

*Пугачев Александр Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права УО «По-
лоцкий государственный университет», кандидат юридических наук,
доцент*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА С ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

По смыслу Конституции Республики Беларусь (ст.ст. 1, 3, 6, 9, 19, 79, 84) понятие суверенитета означает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на своей территории, независимость в международном общении [3]. Это – необходимый качественный признак (атрибут) Республики Беларусь как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус.

Конституция не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо народа Беларуси. Поэтому некорректным следует считать положение статьи 109 Конституции Республики Беларусь, в которой говорится о том, что «судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам» [3]. Очевидно, что судебная власть, как, впрочем, и любая другая государственная власть, может принадлежать только народу, как единственному источнику государственной власти. Суды переданную им власть могут только осуществлять, не более того. Положения о государственном суверенитете в нашем Основном Законе «переплетаются» с положениями, в которых закреплены основы суверенитета народа.

Этим, можно предположить, подчеркивается их неразрывная связь и исходное значение народного суверенитета (ст. 3 Конституции Республики Беларусь). Суверенитет Республики Беларусь закрепляется в следующих положениях: суверенитет Беларуси распространяется на всю территорию;

Республика Беларусь обеспечивает защиту своей независимости и территориальной целостности; наше государство самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику; Республика Беларусь ставит целью сделать государство нейтральным; территория Беларуси едина и неотчуждаема.

Вместе с тем суверенитет Республики Беларусь согласно Конституции имеет ограничения. В частности, к внешним и при этом добровольным ограничениям суверенитета относятся стремление Беларуси быть **полноправным субъектом мирового сообщества** (преамбула); включение в белорусскую правовую систему **общепризнанных принципов международного права** (ч. 1 ст. 8), которые имеют приоритет в отношении национального законодательства; гарантирование прав и свобод граждан Беларуси согласно **международным обязательствам государства** (ч. 3 ст. 21); признание юрисдикции международных организаций, когда граждане Беларуси обращаются туда в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, **с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты** (ст. 61); возможность признания Конституционным Судом нормативного правового акта не имеющего юридической силы в случае **несоответствия его международным правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь** (ч. 4 ст. 116) [3].

В Основном Законе нередко употребляется термин «**народ**» (например, в Преамбуле, ст. 3, 9) и «**национальный**» (ст. 50, 52, 54) [3]. Такая категория, как «нация», в тексте белорусской Конституции не используется, хотя многие конституции зарубежных стран ее признают (Германии, России, Франции).

Согласно смыслу Конституции Республики Беларусь, под народом понимается совокупность граждан Республики Беларусь, которая обладает

учредительной властью и при определенных условиях вправе ее реализовать, поскольку является **носителем суверенитета** и единственным источником власти в Республике Беларусь. В Преамбуле Конституции Республики Беларусь очень четко сформулирован тезис теории **«национального суверенитета»**: «Мы, народ Беларуси, «...» основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение...» [3].

Такой подход, подразумевающий признание в Основном Законе *«народного»* и *«национального»* суверенитета, полностью соответствует международным стандартам. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (Беларусью он был ратифицирован 12 ноября 1973 года) в п. 1 ст. 7 гласит, что в силу права народов на самоопределение «они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [4]. Это означает, что навязанные народу против его воли политический режим или форма правления, а также режим, который не позволяет народу свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, противоречат основополагающим международно-правовым нормам. Такой народ не может считаться свободным и самоопределяющимся, поэтому народ обладает правом на сопротивление. И хотя в белорусской Конституции об этом праве не упоминается («Сопротивление угнетению есть одно из прав человека», – так записано во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), оно вытекает из природы естественного права и сохраняет силу как гарантия против узурпации власти и тирании. В основе Конституции Республики Беларусь лежит концепция, основанная на ценностях естественного права. Таким образом, такое право противостоит любому присвоению власти или незаконному отказу от конституционных принципов и форм правления.

В контексте рассмотрения данной проблемы крайне важным нам представляются размышления одного из ведущих правоведов, Председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора М. В. Баглая [1, с. 106-107]. Вот что он пишет.

Воля народа, выраженная в юридически релевантных формах, является подлинным и единственным базисом государства, от нее исходит мандат на устройство и любые изменения формы государственной власти. В силу естественного права, заложенного в понятии народного суверенитета, народ вправе оказать сопротивление любой попытке насильственного свержения конституционного строя. Право на восстание против тирании, на гражданское неповиновение, на применение силы против насилия – составные элементы народного суверенитета.

Угроза суверенитету народа носит скрытый характер. В наше время трудно представить какую-либо политическую силу, которая бы открыто отрицала его, тем более это верно для политических движений, основанных на идеях либерализма, неоконсерватизма, социал-демократии, которые органически слиты со свободой народа и его полновластием. Однако, по-другому обстоит дело с идеологиями левого и правого радикализма, которые на словах признают и возносят народный суверенитет, а на практике стремятся подменить его вождизмом и однопартийной диктатурой (в этой связи как никогда актуальна работа И. А. Ильина «О сущности правосознания» [2]. Следовательно, суверенитет народа нуждается в защите, и эта защита обеспечивается всем конституционным строем государства.

Право на сопротивление – это «палка о двух концах», а поэтому оно упоминается в конституциях довольно редко. Но такие случаи все же есть. В ст. 20 Основного Закона ФРГ прямо записано, что граждане «имеют право на сопротивление каждому, кто попытается устранить этот строй, если другие средства невозможны». Аналогичное право записано в конституци-

онных документах США, Франции и ряда других стран, оно признается как важный элемент естественного права. И в этом своем качестве безусловно должно рассматриваться как свойство суверенитета народа. Отказ от конституционных форм правления в пользу идеологической целесообразности есть государственный переворот, дающий народу основание для использования права на сопротивление.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что белорусская конституционная доктрина различает в суверенитете три аспекта, которые в юридической литературе характеризуются как «**народный суверенитет**» (власть народа), «**государственный суверенитет**» («суверенитет государства») и «**национальный суверенитет**».

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Дело в том, что в юридической и политологической литературе высказываются различные, часто противоположные взгляды на соотношение народного, национального и государственного суверенитета, сопоставление которых в исторической ретроспективе позволяет выявить по меньшей мере две основные позиции, с различными модификациями можно встретиться и в современной юриспруденции.

Согласно одной из них различают три вида суверенитета: народный, национальный и государственный (Л. А. Григорян, Н. И. Матузов и др.). Речь, по существу, идет о том, что в обществе параллельно существуют три разновидности суверенитета, которые действуют одновременно.

Подобная позиция другими учеными (А. А. Безуглов, Б. С. Эбзеев) видится уязвимой и подвергается критике. В частности, Б. С. Эбзеев пишет о том [5, с. 340], что полномочия народа и его верховенство, национальный и государственный суверенитет находятся в органическом единстве, и именно полномочия народа, народное верховенство лежат в основе государственного суверенитета и определяют его пределы.

Иначе говоря, суверенитет един, он не может быть разделен между народом, нацией и государством, это – различные стороны одного и того же социально-политического и конституционно-правового явления. Само содержание принципа суверенитета исключает одновременное существование нескольких суверенных властей в одном государстве. Стало быть, речь в действительности идет лишь о разных аспектах одной и той же категории и разных подходах к ее обеспечению. При этом именно суверенитет народа лежит в основе государственного суверенитета, который, в свою очередь, в государственно-организованном обществе выступает в качестве выразителя суверенной воли народа.

Однако народный, национальный и государственный суверенитет, будучи различными аспектами (сторонами) одного и того же социального и юридического феномена, имеют различное социальное и юридическое содержание и проявляются в различных плоскостях общественной жизни. Догосударственные формы человеческого общежития знали лишь суверенитет народа (например, собрание членов общины), но вне политико-юридических форм, и не знали государственного и национального. Возникновение государственного суверенитета связано с появлением централизованного государства, олицетворяющегося монархом, а национальный суверенитет – продукт буржуазного развития общества и формирования наций.

Можно убедиться, что проблемы теории и практики суверенитета, демократии и государства весьма непросты, и среди белорусских, российских, зарубежных ученых и политиков нет единого их понимания. Проблемы суверенитета многоаспектны. В теории и практике известны три разновидности понятия «суверенитет»: государственный, народный, национальный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
2. Ильин И. А. Философия права. Нравственная философия. Соч. в 2-х томах. Т. I. – М.: Московский философский фонд, изд-во «Медиум». 1993. – 512 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2008. – 48 с.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах: Пакт от 16 декабря 1966 г., вступил в силу для Республики Беларусь 23 марта 1976 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2005. – 576 с.